

ПРИЗРЕНИЕ ДЕТЕЙ В МОДЕРНИЗАЦИОННОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ УРАЛА XVIII — НАЧАЛА XX В.*

Создание института призрения, направленного на оказание терапии, помощи и на реабилитацию детей, нуждающихся в социальной защите, стало одним из достижений модернизации. Со временем социальное обеспечение детей было административно и концептуально определено как специализированная служба. Таким образом, в процессе модернизации произошло осознание важности социальной работы в обществе, появилась сфера социальной защиты и реабилитации, которые можно рассматривать как инструмент адаптации к новшествам и как средство обеспечения социальной стабильности. Анализ истории социальной работы с подобной точки зрения призван способствовать уяснению особенностей российского варианта модернизации. Актуальность задачи определяется и ее ориентацией на выявление в сознании, поведении людей и в социально-бытовой среде качественных перемен, вызванных созданием институтов социального обеспечения и защиты детей.

Социально-бытовая сторона этого процесса исследователями, как правило, не проблематизируется, хотя роль социальных служб в модернизационных преобразованиях была не столь однозначной, как например, образования или здравоохранения. Будучи проявлением прогрессивного, гуманного модернизационного начала, их деятельность в то же время оказалась связанной с издержками модернизирующихся обществ — в частности, с ростом числа социально-незащищенных лиц (в том числе детей).

Система организованной помощи детям в России начала складываться в петровское время. Детские учреждения стали рассматриваться как заменитель семьи при ее отсутствии или как необходимая ей временная поддержка. Первое заведение для призрения сирот и «ззорных» младенцев открыл в 1706 г. новгородский митрополит Иов,

* Работа выполнена по гранту РГНФ № 09-01-83108 а/у «Призрение детей на Урале в XVIII — начале XX вв.: институциональный и социокультурный аспекты».

чья благотворительная инициатива была горячо поддержана царем. По указанию Петра I, Сенат разослал во все города России до 20 тысяч увещаний с приглашением к пожертвованиям на подобные учреждения. Позднее последовали указы о создании в городах специальных «гошпиталей» и сиротских домов для приема незаконнорожденных младенцев, а их матерям дарована возможность приносить сюда детей тайно, не открывая лица. Несмотря на гуманные побуждения монарха, система детского призрения в России приживалась с трудом, поскольку держалась «не столько добровольными пожертвованиями, сколько страхом перед царем»¹. После смерти Петра I почти все созданные им учреждения были закрыты. На Урале к подобным заведениям, по-видимому, относился «дом для приносных детей» в Нижне-Тагильском заводе, упомянутый в 1766 г. Р.С. Палласом. Там принимали младенцев «во всякое время дня и ночи и без малейшего расспроса о дитяти, кроме того, крещено оно или нет»².

Расширение сферы социального призрения детей произошло при Екатерине II. Увлекаясь идеями западных философов-гуманистов, «просвещенная» императрица попыталась внедрить в жизнь новую систему социализации детей. «Генеральное учреждение о воспитании обо-его пола юношества» (1763), составленное ее ближайшим советником И.И. Бецким, сформулировало основные принципы этой системы. Созданные И.И. Бецким Московский (1764 г.) и Санкт-Петербургский (1770 г.) воспитательные дома стали образцом для учреждения подобных заведений в российской провинции. Их финансирование, согласно «Учреждению о губерниях» 1775 г., было возложено на местные приказы общественного призрения. Гуманная миссия спасения жизни «несчастнорожденных» младенцев привлекла и частные капиталы. Примером такой инициативы может служить деятельность купца Ф.Я. Логинова, создавшего на собственные средства воспитательный дом в Екатеринбурге (1790 г.). Применительно к Нижнетагильскому округу можно даже говорить о создании последовательной системы призрения брошенных детей. Эстафету от «домов ребенка» в округе принимали специальные учреждения для воспитания детей «до совершенных лет». В середине XIX в. надобность в подобных учреждениях возросла. «Приемные дома» появились в Нижнесалдинском, Черноисточинском и Висимоуткинском заводах³. Незаконнорожденных младенцев и подкидышей в Нижнетагильском округе призревала также заводские госпитали.

В первой половине XIX в. дело организации провинциальных воспитательных домов не получило большого развития. Приказы общественного призрения не располагали необходимыми средствами для покрытия их расходов и осуществления необходимого детям меди-

цинского ухода. Показатели смертности детей в государственных заведениях детского призрения того времени ужасают. В Екатеринбургском воспитательном доме, например, из ста поступивших сюда детей выживало не более пяти⁴.

Высокая смертность детей стала одной из причин закрытия детских заведений в провинции. С 1821 г. министерство внутренних дел стало ограничивать, а 3 июля 1828 г., высочайше утвержденным Положением комитета министров, и вовсе запретило их учреждение при казанах общественного призрения. Причины прекращения деятельности воспитательных домов, впрочем, не ограничивались гуманными побуждениями. Главные факторы, настораживающие правительство в их деятельности, были вполне ясно сформулированы в указе 1837 г. «О мерах по уменьшению приноса в воспитательные дома детей»: «Умножающийся год от году принос в Московский и Санкт-Петербургский воспитательные дома и возрастающая вместе потребность для них в кормилицах обнаружили, особенно при последней народной переписи, вредное влияние, которое имеет на народонаселение ежегодное удаление такого множества крестьянок от естественных материнских обязанностей. С другой стороны, долговременный опыт доказал, что многие родители отчуждают и законнорожденных детей своих от родительского попечения и семейного быту не по причине нищеты, лишаящей способов к их содержанию, а для того, чтобы под этим предлогом вывести детей своих из сословия, к которому принадлежат, освободить их от общественных обязанностей, на том сословии лежащих, или доставить выгоды по гражданской службе выше своего состояния»⁵. Правительство Николая I, стремившееся сохранить размываемую сословную структуру государства, окончательно отстранилось от первоначально задуманного плана воспитания свободных граждан «третьего чина».

Надо заметить, что первый шаг к тому был сделан еще в 1797 г., когда император Павел I подписал указ «О принятии главного начальства над Воспитательными домами императрице Марии Федоровне», чем положил начало Мариинскому ведомству. Штат воспитанников в Московском и Санкт-Петербургском воспитательных домах, по решению императрицы, был сокращен, а основная часть их питомцев отправилась в деревню, после чего они становились уже не вольными людьми, а государственными крестьянами.

Историки благотворительности называют 1837 год переломным для деятельности воспитательных домов, так как указ Николая I запретил принимать «приносных» детей в учебные классы и брать их обратно из деревень. Все незаконнорожденные дети с этого времени стали отсылаться в деревни и по достижении определенного возраста

становились казенными крестьянами или передавались на фабрики. Средства воспитательных домов были сконцентрированы на обучении и подготовке к взрослой жизни осиротевших детей чиновников гражданской и военной службы, для которых на базе детских заведений открывались сиротские институты⁶.

Более строгим в николаевский период стал и надзор за приемом детей в провинциальные сиротские дома, находившиеся под ведением приказов общественного призрения. 31 декабря 1836 г. было выдано постановление Положением для сиротских домов, согласно которому приниматься в эти учреждения могли лишь дети из «свободных сословий» от 7 до 11 лет. Перед поступлением детей в сиротские дома их сословная принадлежность тщательно проверялась полицией⁷.

Наряду с призрением детей, оставшихся без попечения родителей, в России появилась также помощь семьям, с находящимися на их иждивении детьми (присмотр, патронажные услуги). Она, как правило, оказывалась в учреждениях «полного дня»: «колыбельнях», яслях, детских садах и других центрах, находящихся под государственным или частным контролем. Учреждения, первоначально выполнявшие функцию дневного присмотра за детьми малообеспеченных родителей, назывались приютами. Первые в России ясли под названием «Убежище для детей, оставляемых матерями, идущими на заработки» возникли в 1837 г. в Петербурге по инициативе попечителя Демидовского дома призрения трудящихся И.Д. Черткова.

Необходимость в подобных заведениях была столь велика, что уже через год в столице было открыто еще четыре приюта. Тогда же их деятельность была поставлена под контроль специально созданного Комитета главного попечительства детских приютов, которым руководила лично императрица Александра Федоровна. Под эгидой этого комитета детские приюты стали открываться в разных городах России. Положение о работе детских приютов, утвержденное 27 декабря 1839 г., детально регламентировало основания их учреждения и управления. Создавались приюты в основном на средства общественной и частной благотворительности, которые сосредотачивались в губернских и уездных попечительствах. Государство наблюдало за учебным процессом и нравственным воспитанием детей.

Как свидетельствует опыт владельцев Нижне-Тагильского округа, приюты тех лет были многопрофильными учреждениями. Они имели ряд отличий от сиротских и воспитательных домов. Если исходить из современных понятий, эти учреждения соединяли в себе черты детского сада для дневного присмотра за детьми, интерната для детей необеспеченных родителей, детского дома для сирот и начальной

школы. Открывая в 1849 г. приют, Аврора Демидова предписала без ограничений принимать сюда детей рабочих в возрасте от 1 до 8 лет (иногда его питомцами становились лица и более старшего возраста). Заведение функционировало в дневное время, пока родители были заняты работой. Воспитанники находились на полном содержании заводовладельцев: их одевали в особое платье, несколько раз в день кормили, давали начальное образование⁸.

В течение 1849 г. демидовские учреждения детского призрения были открыты в селе Воскресенском и в деревне Никольской. Очень быстро они завоевали популярность у заводского населения. «Родители отдают детей в приюты с охотой, — писал управляющий Нижнетагильскими заводами в 1850 г., — число их изменяется ежедневно, смотря по времени года, иногда бывает в одном приюте детей до 150 человек в день, средним же числом каждодневно призревается в каждом приюте от 50 до 70 человек»⁹. Детям из окрестных деревень и поселков разрешалось ночевать в приюте и, соответственно, получать дополнительное питание.

Для руководства подобными учреждениями Аврора Демидова пригласила из Петербурга смотрительницу, имевшую опыт работы в детских приютах — Агнесу Самойловну Кригнер (с жалованием 630 руб. в год). Штат демидовских заводских и сельских приютов включал, в зависимости от числа воспитанников, от 3 до 5 служащих (надзирательница с помощницей, нянька, стряпка, прачка и дворник) с жалованием от 7 руб. до 17 руб. 50 коп. ассигнациями в месяц. Общие расходы на содержание каждого ребенка в приютах составляли 20—30 руб. ассигнациями в год¹⁰.

В 1853 г. в Нижнетагильском округе был открыт еще один приют, а для воспитания незаконнорожденных детей и сирот начало функционировать специальное закрытое учреждение — сиротский дом. Согласно его Уставу, попечение и полное содержание за счет заводовладельцев в сиротском доме обеспечивалось не только сиротам и покинутым детям, но и детям неимущих родителей, овдовевших отцов или матерей. По решению администрации или заводовладельцев туда могли поступить также дети родителей «слабого поведения и с порочными наклонностями»¹¹.

Новое Положение о работе Ведомства детских приютов, высочайше утвержденное 18 июля 1891 г., включило в число задач детских учреждений, помимо дневного присмотра за детьми, воспитание и обучение круглых сирот, а также призрение бесприютных младенцев. Приютам было разрешено также учреждать ремесленные классы для практического обучения воспитанников. К этому времени в России под надзором мариинского ведомства работали 138 приютов, в которых призревалось 7379 приходящих детей и 5042 сирот¹².

Инициативные позиции в организации воспитания и образования сирот и детей бедных родителей правительство к этому времени утратило. Приоритет в этой сфере перешел к органам общественного самоуправления и благотворительным обществам. В Екатеринбурге, например, согласно данным «Адрес-календаря и памятной книжки Пермской губернии», в 1907 г. действовали три учреждения детского призрения: Екатеринбургское детское убежище (с 1869 г.), детский приют имени М.А. Нурова (с 1857 г.) и Верх-Исетский сиротско-воспитательный дом имени С.А. Петрова (с 1897 г.). Лишь одно из них (Нуровский приют) принадлежал к ведению полугосударственного Ведомства учреждений императрицы Марии. Детское убежище было основано Екатеринбургским благотворительным обществом, Верх-Исетский сиротско-воспитательный дом — купцом С.А. Петровым, который передал весь завещанный капитал в распоряжение Екатеринбургской городской думы. Всего на территории Пермской губернии в 1907 г. действовали 43 приюта, принадлежавшие разным ведомствам. В финансировании части заводских приютов принимали участие заводладельцы, некоторые содержались на средства городских и земских органов, церковно-приходских попечительств и благотворительных обществ¹³.

Последствия сильнейшего голода 1891—1892 гг. заставили правительство обратиться к проблеме организации социальной помощи деревенским детям. В 1891 г., по просьбе главноуправляющего канцелярией по учреждениям императрицы Марии, губернские и уездные попечительства детских приютов устроили в пострадавших от голода деревнях бесплатные столовые. Впоследствии решено было создать на местах собственные, сельские попечительства. Наиболее крупным среди них в Пермской губернии было Белоярское попечительство, открывшее в 1894 г. детский приют в селе Белоярском Шадринского уезда. В 1909 г. здесь призревало на полном содержании 20 мальчиков и 13 девочек. Кроме того, в это время действовали Китайское сельское попечительство в Камышловском уезде, Кудымкорское сельское попечительство в Соликамском уезде и Нязепетровское сельское попечительство в Красноуфимском уезде, которые содержали приюты на 6—12 детей¹⁴.

В сельской же местности получили распространения сезонные (летние) приюты-ясли. «Мера, самая рациональная и самая необходимая для Чердынского уезда, писал в 1883 г. доктор М.М. Чашницкий, — чтобы сколько-нибудь уменьшить детскую смертность, — это устройство колыбелен. Мера эта уже давно практикуется в Царстве Польском и приносит видимую громадную пользу; в нынешнем году генерал-губернатор распорядился распространить колыбельни по всем губер-

ниям края и мера эта рекомендуется и врачами в других местах России. Мера принесла бы громадную пользу и была бы большим благодеянием для деревни»¹⁵. Ситуация обострялась в годы неурожая, голода и эпидемий, которые часто выпадали на долю российской пореформенной деревни. Для оказания помощи населению губерний пострадавших от неурожая 1898 г., «Попечительством о домах трудолюбия и работных домах» в Малмыжском уезде Вятской губернии было организовано 15 яслей-приютов¹⁶.

Пионером в создании сезонных яслей-приютов на Урале выступило Пермское губернское земство. В 1896 г. им было открыто три подобных учреждения, в следующем — уже двенадцать. Одно из них — в селе Верх-Ницинском Ирбитского уезда. Это заведение приобрело «общее доверие населения» и «в виду большого против ожидания наплыва детей» в августе для него было нанято еще одно помещение. В первый год существования яслей земство ассигновало на них 1757 рублей, во втором году его расходы выросли до 5 тысяч. На Верх-Ницинский приют было потрачено 467 рублей 12 копеек¹⁷. С 1897 г. ведет свое существование летний приют доктора А.В. Селиванова в селе Ново-Пышминском Камышловского уезда¹⁸.

Устраивая летом 1899 г. первые приюты в Вятской губернии, П. Ганзен подчеркивал, что он опирался именно на пермский опыт. «Благотворительное учреждение это, благодаря стараниям земства, успело уже пустить прочные корни в Пермской губернии», — писал он. «Самое благоприятное» личное впечатление возглавляемый им отряд получил, когда «будучи проездом через город Пермь, не преминул познакомиться с одним из таких учреждений, устроенным для детей недостаточного городского населения»¹⁹. Наряду с Малмыжским уездом, «Попечительство...» открыло приюты в Сарапульском и Елабужском уездах Вятской губернии.

Пока Вятское земство вникало в новое для него дело, Пермское перевело его в 1899 г. в ведение уездных земств, предоставляя им для этих целей субсидии. По данным А. Штейнфельда, дети в том году призывались в 11 приютах. В 1900 г. подобные учреждения действовали только в 9 селениях. Осинский, Шадринский, Кунгурский, Соликамский уезды не имели их вообще. Летом 1901 г. три приюта-ясли функционировали в Пермском уезде, два — в Чердынском, по одному — в Верхотурском, Ирбитском, Камышловском, Красноуфимском²⁰. В 1900 г. Ирбитское уездное земство приняло постановление об открытии четырех приютов «в месте нахождения врачей», ассигновав на каждый из них по 200 рублей. Однако летом следующего года удалось организовать такое заведение только в селе Покровском, а еще через год повторить подобный опыт в селе Байкаловском²¹.

Распространение детских учреждений в 1910–1914 гг. можно более подробно рассмотреть на примере Пермского уезда. Летом 1910 г. ясли имелись в Юговском и Курашимском заводах и в селе Култаеве²². В следующем году они опять открылись в Юговском и Курашимском заводах, а также в селе Монино²³. Летом 1912 г. продолжали действовать ясли в Курашимском заводе и в селе Монино. Возобновил свою деятельность приют в селе Култаево. Подобное заведение первый раз появилось в деревне Чуваковке²⁴. В 1913 г. вновь заработали ясли в Юговском и Курашимском заводах. Из села Култаева они переехали за три версты в соседнюю деревню Косотуриху. Появился также приют в селе Верхне-Муллинском²⁵. В 1914 г. в Пермском уезде действовало пять яслей, в которых призревало 212 детей, 56 из них еще не достигли годовалого возраста. В Чердынском уезде функционировало четыре приюта на 77 человек. Из них в возрасте до года было 29 ребятишек²⁶.

Приведенные нами данные далеко не исчерпывают список существовавших на селе детских учреждений. Однако они могут дать представление о перипетиях распространении этой формы призрения. Чаще всего летние ясли-приюты устраивало земство. Изредка население пыталось организовать их по собственной инициативе. Участковый врач в 1912 г. отмечал, что к «созданию собственных рук» жители села Монино в Пермском уезде относились с «большим доверием, чем в прошлые годы» к существовавшему здесь земскому приюту²⁷.

Следует признать, что в основе развития российской системы призрения детей, оказалась концепция комплексного характера детских учреждений, которая базировалась на идее социализации и подразумевала, что там не только присматривают за ними, но и занимаются их развитием: осуществляют охрану здоровья детей, следят за их правильным питанием, дают образование и т.п. Тенденция к специализации подобных заведений пробивала себе дорогу с большим трудом, хотя ее принципы просматриваются, например, в типологии, предложенной известным уральским врачом Н.А. Русских. Учреждения, «имеющие целью призрение детей» он разделил на «такие..., при которых призреваемое дитя навсегда или на более или менее долгий срок, удаляется из ведения родителей и судьба его всецело зависит от воспитателей; сюда относятся воспитательные дома, приюты для подкидышей, для круглых сирот и проч.» и «учреждения, в которых находят приют себе дети только на время, до известного возраста, причем связь с семьей не нарушается, родители всегда могут или должны взять ребенка обратно и последний вновь подчиняется условиям семейной жизни; сюда должны быть отнесены различные приюты для бедных детей. Сюда же могут быть причислены так называ-

емые ясли, где дети оставляются только в течении дня»²⁸. Таким образом, распространение детских учреждений он увязывал с изменениями значения и роли семьи в эпоху модернизации. Перемены заключались в том, что семьи, оставаясь *первичным* институтом социализации подрастающего поколения, стали заниматься воспитанием детей, разделяя ответственность с множеством заинтересованных *вспомогательных* социальных институтов.

Несмотря на широкое участие органов местного самоуправления и благотворительной общественности в деле детского призрения, сложившаяся в России институциональная система была не в состоянии обеспечить всех нуждающихся. Главной ее бедой, как признавали государственные и общественные деятели XIX в., была факультативность и необязательность социальной помощи. Степень доступа к ней, например, сельских детей, видна из высказывания бывшего земского начальника четвертого участка Шадринского уезда Петра Ерогина, осматривавшего в 1898 г. детские приюты Пермской губернии: «В деревне дети-попрошайки — вполне обычное явление; они не вызывают ни в ком сострадания и никто не озабочивается их участью»²⁹.

Примечания

1. Соколов А.Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII — конец XIX вв.). СПб., 2006. С. 193.
2. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской академии наук. Ч. 2, Кн. 1, СПб, 1770. С. 253.
3. ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 48. Л. 238.
4. Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 656. Л. 1—42.
5. ПСЗ—II. Т. XII. № 10390.
6. См.: Власов П.В. Благотворительность и милосердие в России. М., 2001. С. 43; Соколов А.Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства... С. 406.
7. ПСЗ—II. Т. XI. № 9816.
8. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 994. Л. 4 об.
9. Там же. Л. 16 об.
10. Там же. Д. 994. Л. 16 об.
11. Там же. Д. 1122. Л. 12 об.
12. Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным высочайшим их императорских величеств покровительством за 1909 год. СПб., 1910. С. XIII.
13. Благотворительность на Урале. Екатеринбург, 2001. С. 64.
14. Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным высочайшим их императорских величеств покровительством за 1909 год... С. 240—244.
15. Чашницкий М.М. Материалы к исследованию Чердынского уезда в медико-статистическом и санитарном отношении. Пермь, 1883. С. 49.
16. Ганзен П. Опыт оздоровления деревни // Русская мысль. 1900. № 3—5.
17. Керстен М. О детской смертности // Приложение к Запискам Уральского медицинского общества. Екатеринбург. 1905. С. 12.
18. Санитарный обзор Пермской губернии за 1901 год. Пермь, 1903. С. 12.
19. Ганзен П. Указ. соч. № 3. С. 111.
20. Санитарный обзор Пермской губернии за 1901 год. Пермь, 1903. С. 12.

21. Керстен М. Указ. соч. С. 12—14.
22. Состояние земской медицины в Пермском уезде за 1910 год. Пермь, 1911. С. 24.
23. Состояние земской медицины в Пермском уезде за 1911 год. Пермь, 1912. С. 39—40.
24. Состояние земской медицины в Пермском уезде за 1912 год. Пермь, 1913. С. 34—35.
25. Состояние земской медицины в Пермском уезде за 1913 год. Пермь, 1914. С. 37—40.
26. Санитарный обзор Пермской губернии за 1914 год. Пермь, 1916. С. 59.
27. Состояние земской медицины в Пермском уезде за 1912 год. С. 35.
28. Русских Н.А. Санитарные требования в деле призрения детей // Записки Уральского медицинского общества. Вып. 2. Екатеринбург, 1893. С. 45—46.
29. Ерогин П. О призрении крестьянских сирот // Вестник благотворительности. 1898. №5. С. 20.